

“Буква зю”

© А. В. ЗЕЛЕНИН,
кандидат филологических наук

В русском языке появилась “новая буква”... Не стоит пугаться: речь не идет о пополнении и изменении русского алфавита и орфографии. Рождение этой “буквы” осталось почти незамеченным, однако некоторые словосочетания, в которых она встречается, уже настойчиво “стучатся” во фразеологические справочники. Поговорим о “букве зю”, ее происхождении и использовании в современном русском речевом обиходе.

Для начала попытаемся сформулировать значение фразеологического сочетания “буква зю”. Обычно это словосочетание употребляется с глаголами: *стоять, скрючиться, согнуть(ся), поставить*, то есть значение содержит идею странного, непонятного, неестественного положения какого-либо предмета. Где же искать истоки номинации? По-видимому, своему рождению “буква зю” обязана ... кинематографу, а именно фильмам о Зорро, человеке в черной маске, который шпагой “рисует” свой отличительный знак: букву Z.

В каких же социальных группах и когда родилось словосочетание “буква зю”? Скорее всего, в 70–80-е годы XX века в среде молодежи. Почему же буква Z приобрела на почве русского языка такой необычный фонетический облик? Видимо, на формирование фонетики и смысла повлияло то, что фонетическая форма напоминает произношение греческих букв “мю” и “ню”, традиционно вызывающих удивление и смех школьников и студентов. Замена в названии английской

буквы Z (зэт) последних двух звуков звуком “ю” произошло, очевидно, в молодежном языке под влиянием греческих букв. В этом можно усматривать проявление языковой игры с целью вызвать иронические ассоциации благодаря необычному фонетическому облику. Конечно, ирония рождалась именно на основе сосуществования и столкновения в сознании двух типов произношения буквы: нормативного (“зэт”) и нового, трансформированного, игрового (“зю”).

В 80-е годы XX века словосочетание “буква зю” использовалось в устной речи обычно для именованя какой-либо странной позиции тела человека (обычно в согнутом состоянии). Интересно, что чаще всего такие позиции ассоциировались преимущественно с ремонтом автомобиля: автоводители-любители часами проводили время за ремонтом машин, служа объектом шуток и пародий: «Скажите честно, вы ползете под грязное брюхо машины, чтобы, ползая на карачках и изгибаясь *буквой “зю”*, искать какие-то коды» (Автопилот. 1995. № 19); «Ездит Игорь на “девятке”. Год тому назад нашел хорошего механика, который поставил машину на колеса. А так каждые выходные приходилось стоять *буквой “зю”* под открытым капотом» (ТВ-Парк. 1997. № 2). Итак, первой денотативной областью использования фразы “буква зю” в русском языке является так называемая “автомобильная”.

В середине 80-х годов XX века сформировалось второе употребление – “дачное”. По всей стране горожанам стали выделять садово-огородные участки. Выезд на дачи обычно сопровождался интенсивной работой на грядках (в наклон). Так родилась семантика фразы “*буква зю*” – длительная работа в наклонку на своем земельном участке: «Все время наблюдал такую картину, что не дача для человека, а человек для дачи. Эдакое закабаление, когда стоишь с утра до вечера непонятной *буквой “зю”*» (Лица. 2002. № 6). Это употребление закрепилось в современном просторечии, так что уже широко и без пояснений используется в печати и даже художественной литературе: «Доярка часто нагибается: к каждой из коровушек надо по три раза за дойку нагнуться. В сырости, и на сквозняке. “Бывает, встаешь утром – и *буквой “зю”* – не разогнуться» (Семья. 2000. № 35); “А старпом (старший помощник. – А.З.) почему-то изгибается *буквой зю*, и распрямляться не хочет” (М. Веллер. Легенда о морском параде; обратим внимание на отсутствие кавычек, что может служить знаком укоренения фразы в современном языке).

В приведенных цитатах отчетливо видно метафорическое использование фразы “*буква зю*”, образность которой в разговорном языке рождается за счет семантического сопоставления двух объектов (формы самой буквы Z и сравниваемого предмета). Мотивом же сопоставления служит *tertium comparationis* – в данном случае им является представление о чем-либо изогнутом, искривленном.

Конечно, можно сказать и “по-старому”: *стоять на карачках, на четвереньках, изогнувшись*, однако семантическая и образная новизна фразы *стоять буквой зю* для говорящего очевидна. Впрочем (как это всегда происходит в языке с экспрессивными формами) частота использования сочетания довольно быстро “стирает” метафоричность, ибо потребность в мыслительной “реконструкции” исходной внутренней формы (начертание буквы Z) снижается или даже вообще исчезает (нивелируется). Опорой начинает служить вторичная, производная сема “нечто не прямое, согнутое, искривленное”: «Архитектор о стиле не думает. Даже самый оригинальный проект – это сумма ограничений. Тут коммуникации идут, здесь объект ГО (гражданской обороны. – А.З.), а тут мы *буквой “зю”* изогнулись...» (Итоги. 2000. № 44); «Какие упражнения нужно делать первоклашкам, чтобы их спинки не стали к следующим каникулам похожими на “*букву зю*»» (Комс. правда. 2002. № 155).

Таким образом, в современном речевом обиходе мы наблюдаем интересный семантический процесс, когда метафоричность словосочетания “*буква зю*” может даже стираться; однако в качестве семантической “компенсации” словосочетание получило поддержку в метонимических моделях, позволяя практически беспрепятственно создавать всевозможные сочетания в значении “предмет странной, изогнутой формы”. Будучи семантически освоенным в сфере метафорики и приобретя более абстрактное значение “вообще о любом предмете ломаной формы”, теперь сочетание “*буква зю*” может самостоятельно использоваться в языке уже без прежней метафорической “подпитки”. Создание же метафорического значения протекало по пути семантической “разработки” именно второго элемента *зю* во фразе “*буква зю*”.

Однако в русском языке наблюдается и иной процесс, с акцентировкой первого элемента сочетания – *буква (“зю”)*. В этом случае происходит актуализация именно номинативного компонента. Например: «Если по каким-то причинам письмо адресату вручить нельзя, оно возвращается отправителю по указанному на конверте адресу. Многие же наши сограждане по старинке вместо собственных данных ставят размашистую *букву “зю”* (дескать, кому надо, тот знает, кто я и где меня искать)» (Губерния. Петрозаводск. 1998. № 47); «Суммы по переводу надо написать в последней строчке страницы, а свободные строчки прочеркнуть *буквой “зю”*» (Гарант СК. 2001. 17 июля). В приведенных примерах образность заметно снижена, почти “нулевая” (по терминологии А.Ф. Лосева), так как семантическим центром является непосредственное обозначение ситуации (косой прочерк вместо фамилии или со специальными целями в некоторых официальных документах), хотя легкая ироничность и просвечивает во втором элементе “*зю*”.

Актуализация первого, номинативного, элемента сочетания “буква зю” рождает также трансформации привычных фразеологизмов, например: *от а до я, от аза до ижицы, от альфы до омеги* (от начала до конца): «Но сначала – о внешнем облике школы № 42. (...) Первое впечатление: чисто. Второе: как будто после ремонта. Неисписанные подоконники и парты (представляете?), люстры (почти домашние), профессионально оформленные стены, цветы. (...) Плюс 1700 школьников в 65 классах *до буквы “зю”*» (Деловые вести. Волгоград. 1998. № 16). В этом предложении выражение “до буквы зю” является индивидуально-речевой модификацией приведенных выше нормативных фразеологизмов, однако эта трансформация не мешает понимать журналистскую языковую находку, поскольку данное языковое усечение (*до буквы зю*) опирается на нашу языковую компетенцию, помогающую реконструировать индивидуально-авторскую фразу с опорой на уже слышанные, узуальные. Итак, сочетание “буква зю” проникло даже во фразеологический ярус русского языка, оживляя старые, традиционные словосочетания.

Чрезвычайно высокая активность выражения “буква зю” в русском языке влияет и на русскоязычные средства массовой информации в соседних с Россией государствах, однако в русскоязычных масса-медиа ближнего зарубежья основные ситуации использования выражения связаны, в основном, с обозначением физического положения человека (предмета) и не представляют такого семантического и прагматического разнообразия, как в русском языке в России: «По трассе как-то странно, *буквой “зю”*, петляя, рулит “Мерседес”» (Автобизнес-Weekly. Минск, 2001. № 33); «Я звоню вам, потому что сегодня вторник, а машина по-прежнему стоит во дворе *буквой “зю”*, и ее никто не забирает» (Молодежь Эстонии. 2004. 21 янв.); «Некий красавец на моторке – выписывал на воде *букву “зю”*» (Туризм и отдых. Минск, 2002. № 12); «Обозначьте эту позу хоть *буквой “зю”*, хоть чисто по-белорусски “на кукірышках”, но она абсолютно далека от нормальной» (Народная газета. Минск. 2001. 12 окт.). Изредка встречаются и расширительные употребления: «У депутата Кучинского появился уникальный шанс доказать не на словах, а на деле, что не все в этой стране, как он выразился однажды, “ставят человека *буквой “зю”*» (Белорусская газета. 2000. № 14). Интересно, что в русскоязычной прессе дальнего зарубежья не удалось зафиксировать фразу “буква зю”. Возможно, это связано с нахождением русскоязычных в “окружении” латинского алфавита, что снижает возможность иного, иронического, взгляда, например, на букву Z. Выражение “буква зю” – языковой продукт русской речи метрополии.

Подведем итоги. Выражение “буква зю”, возникнув скорее всего в молодежном сленге в 70–80-е годы XX в. (точную датировку установить нелегко) как шутивное переименование алфавитного названия

“буква зет”, в 80–90-е годы значительно расширило сферу речевого владения, перейдя в просторечное употребление. Во второй половине 90-х годов фраза проникла и в публицистический язык, порождая причудливые семантические преобразования.

Семантические процессы, протекающие в структуре выражения “буква зю”, можно охарактеризовать как сосуществование двух механизмов: метафоры и метонимии. В процессе метафоризации смысл выражения “отдалился” от исходного значения “напоминающий по форме букву Z”; фраза приобрела новое, более отвлеченное значение “нечто искривленное по форме”, что обеспечило новые возможности языковой трансформации данного выражения благодаря семантической емкости.

С другой стороны, именно расплывчатость смысла не сужает, а, наоборот, расширяет стилистические, семантические и прагматические возможности фразы. Это обстоятельство позволяет сочетанию вступать в смысловые связи со старыми русскими фразеологизмами, в которых образность уже стерта или проступает не так ярко.

Актуальность и популярность выражения “буква зю” ставит перед лексикографами задачу внести его как во фразеологические, так и в толковые словари с соответствующей стилистической пометой и комментариями. Есть ли у этой языковой новинки последних двух–трех десятилетий языковое будущее? Можно прогнозировать, что в ближайшие годы или даже десятилетия она останется в языковом багаже российского общества.

Санкт-Петербург